

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОСТСТРУКТУРАЛИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Переход от структурализма к постструктурализму происходит вследствие возникновения ряда проблем, для решения которых структурализм не выработал адекватных средств. Кроме того, ключевое структуралистское понятие «структура» было отмечено определенной двусмысленностью, что позволило переинтерпретировать ее в новом ключе.

Ключевые слова: структура, язык, текст, постструктурализм, структурализм.

Цель данной статьи – проанализировать один из аспектов становления постструктуралистской философии. В частности, нас будет интересовать трансформация структуралистского понятийного аппарата: переинтерпретация понятий, смена контекстов их употребления. Мы сосредоточим свое внимание на понятии «структура» как ключевом структуралистском теоретическом конструкте и рассмотрим, какие изменения претерпело это понятие в постструктурализме, насколько необходимым оказалось оно в постструктуралистских изысканиях, и, наконец, можно ли утверждать, что постструктуралисты реализовали декларируемый ими своеобразный отказ от самого понятия «структура».

Для выяснения этих вопросов есть смысл обратиться к сопоставлению проблемных полей, на основе которых организовывались структуралистский и постструктуралистский дискурсы.

Поскольку способ решения проблемы определенным образом задан характером проблемы, то переход от структурализма к постструктурализму можно рассматривать как определенный «сдвиг проблематики», который повлек за собой разработку нового концептуального аппарата как средства решения этих проблем. В этом контексте отказ от структуралистской интерпретации понятия «структура», в частности призыв Деррида пересмотреть «структурность» структуры, есть необходимый и понятный шаг.

Поэтому нас будет интересовать, во-первых, в чем заключался сам сдвиг проблем, обусловивший пересмотр понятия «струк-

тура», а во-вторых – что в структуралистском понимании структуры способствовало именно такой ее переинтерпретации.

Каково же «проблемное поле» структурализма? Исследовательская задача структурализма состоит в том, чтобы описать механизм функционирования изучаемого объекта и тем самым выявить его смысл, поскольку таковыми объектами являются культурные феномены. Метод структурализма состоит в том, чтобы определенным образом «воссоздать» изучаемый объект в виде модели. Понятие «структура» оказывается важнейшим концептуальным средством построения таких моделей.

Со времен Ф. де Соссюра образцовым объектом, отвечающим всем признакам структурности для структуралистов, являлся язык как система *необходимых* отношений между элементами. При этом последователи Соссюра, как отмечает Э. Бенвенист, «под структурой понимают целое, состоящее из частей, и взаимозависимость между частями целого, которые взаимно обуславливают друг друга» [Бенвенист, 2002. С. 38]. Одна из важнейших процедур анализа – «выделение *дистинктивных (различительных)* единиц языка» [Там же], поскольку, согласно известному тезису Соссюра, «в языке нет ничего, кроме различий». Так что образцовая структура лингвистических структуралистов – это система корреляций и оппозиций между элементами.

Практически любые сложные культурные феномены оказались возможным рассматривать как язык. При этом основные постулаты, которыми руководствуется

структуралист в своем рассмотрении объекта – постулаты о системности, *целостности*, связности.

Однако здесь можно выделить, по крайней мере, два проблематичных момента. Первый касается онтологического статуса самой структуры, второй – такой ее существенной характеристики, как целостность. При всей эффективности структуралистского метода понятие структуры оказалось амбивалентным. С одной стороны, для структуралистов был характерен, по меткому выражению Деррида, «реализм структуры», т. е. уверенность в том, структура реально существует. Как отметил тот же Э. Бенвенист, структуралисты отвергают все априорные взгляды на язык и создают «понятия своей науки, исходя *непосредственно из своего объекта*» (курсив наш. – М. Э.) [Бенвенист, 2002. С. 37].

С другой стороны, для структуралистов характерна тенденция к конструктивизму. На модельном характере структуралистской деятельности настаивает К. Леви-Строс. Структура для него в первую очередь – модель, нечто сконструированное. И именно модели становятся объектами исследования. Р. Барт, говоря о структурализме как *деятельности*, подчеркивает, что эта деятельность является «самым настоящим строительством такого мира, который походит на первичный, но не *копирует* его, а делает интеллигибельным» (курсив наш. – М. Э.) [Барт, 1994. С. 255]. Модель же «есть сам предмет плюс интеллигибельность в целом» [Там же].

Таким образом, вопрос о том, является структура объектом или инструментом исследования является открытым. Эту неопределенность структурализма и те тупики, в которые она заводит, детально проанализировал У. Эко (см.: [Эко, 2006]). Отмеченная неопределенность, на наш взгляд, явилась одной из причин появления постструктуралистской интерпретации структуры.

Второй момент, связанный с целостностью структуры, в контексте вышеописанной неопределенности относится к структуре как объекту исследования. По мере усложнения объектов исследования, как, например, от систем родства к мифам, в исследованиях К. Леви-Строса, объект перестает поддаваться тотализации. Такой объект представлен совокупностью своих вариантов, которые составляют *бесконечное*

множество. Структурность такого объекта – это возможность быть трансформированным в некий вариант по определенным правилам. Каждый объект – множество вариантов без образцового инварианта. Структура при этом понимается как модель, которая «принадлежит группе преобразований, каждое из которых соответствует модели одного и того же типа, так что множество этих преобразований образует группу моделей» [Леви-Строс, 1983. С. 247]. Проще говоря, структура предстает уже как система правил преобразования объектов, их возможных трансформаций друг в друга. Здесь мы отмечаем еще одну возможность «смещения взгляда» на структуру.

Посмотрим теперь, как интерпретирует языковую систему постструктуралист. «Мы раскрыли в нем [языке] парадоксальность структуры – это система без цели и без центра» [Барт, 1989. С. 417]. «Сам манифест структурализма можно выразить знаменитой формулой “мыслить – значит рисковать в броске игральной кости”» [Делез, 1999. С. 142]. «Поле языка есть не что иное, как поле *игры* – поле бесконечных¹ замещений» [Деррида, 2000б, С. 461], «центр структуры...допускает игру элементов внутри целостной формы», «понятие централизованной структуры – понятие обоснованной игры» [Там же. С. 446]. Тем самым образцовая система структурализма – язык переописывается так, что на первый план выходит неиерархичность, отсутствие центрирующего начала (т. е. самого принципа организации), отсутствие цели как единого смысла, функции системы в целом. Постструктуралист исключает из системы все, кроме отношений элементов. Надо отметить одно важное обстоятельство. По мере углубления и детализации своих исследований многие структуралисты стали выделять в объекте рассмотрения в качестве *неотъемлемого системного* свойства его разноуровневость, иерархию уровней. Постструктуралисты же, напротив, из всей совокупности системных свойств объекта оставили только отношения различий, сделав акцент на принципиальной нестатичности этих отношений, как замещений и отсылок элементов друг к другу. Такое смысловое «смещение» концепта «структура» некоторым образом содержал

¹ О понятии бесконечности у Деррида см.: [Gasche, 1994].

сам структурализм. Так, например, если «отношения» интерпретировать как «места», «позиции», то структуру можно мыслить как «пространство», в котором определенным образом осуществляется комбинаторика «мест» и «позиций» и их «заполненности». В своей ранней работе «Структура, знак, игра в дискурсе гуманитарных наук» Деррида, показывая, как К. Леви-Строс отказывается от тотализации (целостного охвата изучаемого феномена – в данном случае мифологии), не столько в силу ее невозможности, сколько в силу ее *ненужности*. Деррида считает, что структурализм здесь обнаруживает свои границы, отказываясь от целостной и централизованной структуры. Не-тотализация же может быть помыслена, исходя из понятия «игры». «Поле языка, причем языка конечного – исключает тотализацию как таковую... Это поле допускает бесконечные замещения лишь... в силу определенной нехватки, а именно нехватки центра» [Деррида, 2000б. С. 461]

Усиливая эффект произведенного смещения концепта «структура», постструктуралисты говорят о ней не только в терминах игры, но также в терминах «экономии» и «стратегии», как «откладывания про запас», «обходном маневре», «отсрочке» и т. п.

Так, исходя из «неструктурных моментов», из того, что расшатывает структуру, постструктуралист получает некий парадоксальный концепт – неструктурированную, нецентрированную структуру, структуру без центра. Помимо этого постструктуралист переключает внимание на принципиальную, неустранимую множественность традиционных объектов структуралистского рассмотрения.

Однако для того, чтобы развернуть новые возможности «структуры», постструктуралисты переходят к новому объекту, каким становится «текст» как самодостаточный объект, не сводимый к языковой системе. Само же понятие «структура» трансформируется в понятия, которые в тех или иных аспектах схватывают то, что постструктуралисты называют игрой. Это система порождения различий *différence*, или «письмо»: «письмо есть игра в языке» [Деррида, 2000а. С. 172] и все возможные его варианты («метонимические замены», как называет их Деррида – след, восполнение и т. д.).

Итак, все неопределенности понятия «структура» стали условием возможности ее переинтерпретации. Однако сама причина трансформации структурализма в постструктурализм заключена, как мы уже сказали, в «сдвиге проблем», который, в свою очередь был обусловлен неспособностью структурализма решить проблемы, значимые для него как метода исследования культурных феноменов. Структурализм не располагал для решения этих проблем адекватными средствами.

Одна из таких проблем, появившаяся в рамках структуралистской литературной критики, – проблема творчества, истока творения, порождения нового. Вопрос: «Что такое литература?» как вопрос о литературности вообще, вопрос о самой художественности для структуралистов, разделявших тезис о «смерти автора», так или иначе требовал ответа. «Решающий прогресс последнего полувека состоял, по-моему, именно в эксплицитной формулировке вопроса о литературности» [Деррида, 1996б. С. 127].

Помимо этого требовали решения проблемы историчности, генезиса смыслов, традиции как трансляции смыслов. Оказалось, что любое исследование феноменов культуры без включения этой проблематики было явно неполным.

Анализ проблемы творчества Деррида проводит, противопоставляя форму, как некую чисто структуралистскую фигуру, и силу. Понятие силы, позаимствованное у Ницше, в данном случае, судя по всему, играет чисто техническую роль, оттеняя статичную, геометризованную структуралистскую форму.

Различные способы уклонения от анализа художественности литературного текста структуралистскими литературными критиками Деррида демонстрирует на примере блестящего критика Ж. Руссе. Но именно поэтому образцовыми структуралистскими затруднениями выглядят и те ловушки, в которые попадает мысль Руссе. Принадлежа к «умеренному» структурализму, Руссе стремится преодолеть статичность формы, обращаясь к такой целостности, как «литературный факт», или, точнее, к форме, взятой в ее конкретности. Тем самым он пытается соединить «форму и интенцию, энтелехию и становление, вещь и акт». Он принимает во внимание то, что только, как ему кажется, и придает смысл произведе-

нию – предшествовавший ему акт воображения, как его *начало*. Но, как показывает Деррида, этот *классический* путь преодоления статики формы не уводит от структурности, а наоборот, усиливает ее. Дело в том, что единая операция, объединяющая столь различное, по необходимости будет, как это отмечает и сам Руссе – *вначале* чередованием, альтернативой двух операций. Но предпочтение будет отдано, помимо воли критика, именно структурной составляющей в силу личного предпочтения, в силу персонального стиля.

Анализируя литературную структуралистскую критику, Деррида отмечает не только принимаемый ею определенный «реализм» структуры, но и некоторым образом понимаемую *буквально* пространственную метафору, так что фигуры риторики оказываются в структуралистских интерпретациях геометрическими фигурами.

Деррида отмечает *эффективность* структурализма как некой разновидности сомнамбулизма, автоматической деятельности, надежно подкрепленной выверенной схемой. Как того, что «ускользает от творческой воли и ясного сознания». Такая эффективность обеспечивает непринужденное, незаметное смешение смысла произведения с его «геометрической или морфологической, в лучшем случае – кинематической моделью» [Деррида, 2000б. С. 37].

Но выход, обозначенный Деррида – это не прорыв к смыслу, а постановка вопроса о самой пространственной метафоричности структуры: «Как возможна такая история метафоры?». Деррида полагает, что вопрос о метафоре есть вопрос о языке как таковом, вопрос о том, необходима ли пространственность, опространствление языка в его саморефлексии, каковой по сути является структуралистская интерпретация. Поэтому для него исследовать сам метафорический смысл понятия «структуры», означает показать метафорическую работу языка, или, как он ее называет, «игру, которую разыгрывает метафора». При этом получается, что любая критическая работа по отношению к исходному тексту оказывается двойной рефлексией – языка по отношению к себе, разворачивающемся в исходном тексте, и рефлексией языка по отношению к себе как средству исследования этого текста. Таким образом, Деррида намечает более плодотворную работу с пространственностью и метафорич-

ностью. Это, как он сам называет, «выход в иные пространства», иные топологии, где можно говорить о «пробеле», «расстановках», «складках» и т. п. Такого рода работу с текстами С. Малларме он демонстрирует сам в работе «Диссеминации», в которой интерпретация оказывается в то же время постоянным рассеиванием смыслов.

Таким образом, постструктуралист демонстрирует, что творческая мощь, «сила», «игра сил» заключена в «тексте» как таковом и не требует обращения к каким-либо внетекстовым реальностям типа авторского воображения, замысла, как, впрочем, и самой фигуры автора.

Другим комплексом проблем, обусловивших преодоление структурализма, стало обращение к проблемам генезиса как генезиса смысла², традиции как трансляции смысла. Как уже отмечалось, эти проблемы не включались явно в «проблемное поле» структурализма. Однако они всплывали в том или ином контексте при исследовании таких культурных феноменов, как миф, литература, язык. Деррида в свое время отметил, что структуралистская одержимость языком – это, может, самими структуралистами неосознаваемое, удивление перед языком, как «началом историчности».

Самой возможностью выделить эти проблемы, способом их постановки, постструктурализм во многом обязан феноменологии. В поздней феноменологии проблематизируется тема истока смысла, его начала, «вхождения смысла в историю», т. е. становление субъективного объективным. Настоятельность исследования этой проблематики особенно остро была осознана в контексте практически полного отказа от нее в структурализме. Действительно, в структурализме предпочли обращаться не к истории, а к «диахронии», что позволяло говорить об «изменениях», об «уменьшениях» или «увеличениях», но не о «развитии», «развертывании», «осуществлении». Это, конечно, означало резкий разрыв с телеологическим пониманием истории. Но в силу особенностей структуралистского видения объекта как определенной целостности, это привело к специфическому пониманию истории, при котором время рассматривалось как некая подобная пространству упорядочивающая форма. Выйти в диахроническое измерение,

² См.: [Lawlor, 2002].

по Леви-Стросу, это увидеть «преобразования социальных установлений», что «позволит выявить структуру, лежащую в основе многочисленных своих выражений и сохраняющуюся в изменчивой последовательности событий» [Леви-Строс, 1983. С. 28].

Не история, а диахрония, т. е. цепь трансформаций, отношение между которыми предполагает временной аспект, а не пространственный. Тем не менее, такого рода отношения аналогичны пространственным. Например, по К. Леви-Стросу, можно говорить об определенной симметрии между, скажем, различными вариантами мифа соседних племен или одного племени в разные времена. Не развитие, а последовательный ряд трансформаций. Не генезис, а генеалогия, не подразумевающая «истока», «начала», «архе» в его метафизическом смысле.

Этнолог-структуралист, по Леви-Стросу, не остается безразличным к историческим процессам. Однако для него история – не цепь в определенном смысле случайных событий. Структуралист видит в истории *необходимость*, но не как развертывание предзаданной цели, а как реализацию ряда возможностей, всегда ограниченных по числу.

«Перечень этих возможностей и соотношения, существующие между ними... создают *логические основания* для разных видов исторического развития, если не всегда предвиденных, то во всех случаях *закономерных*» (курсив наш. – М. Э.) [Леви-Строс, 1983. С. 30]. Таким образом, историческое движение не рассматривается как причинно-следственный ряд порождений. История в данном случае – это последовательность, серия или реализация различных вариантов некоего инварианта, каждый из которых самодостаточен в своей автономности. По такому принципу выстроены исследования М. Фуко – археология знания, но не история идей; «Нулевая степень письма» Р. Барта, в котором исследуется история литературы как последовательная смена форм литературности, или «письма»; исследования мифов К. Леви-Стросом и его отказ рассматривать прогресс как привилегированный способ социальной жизни.

Тем не менее необходимо отметить, что термин «археология» взят Фуко из феноменологии, вернее, этим термином Э. Финк, французский феноменолог и переводчик

Гуссерля характеризовал статичный аспект феноменологических изысканий. В интерпретации Фуко археологический уровень означает уровень априорных условий возможности. Термин «историческое априори» взят Фуко у Гуссерля, но переинтерпретирован в структуралистском духе. Если у Гуссерля он означает возможность самой Истории (Деррида сказал бы «историчности»), то у Фуко – указание на то, что различные эпистемы – это различные условия возможности сочленения слов и вещей, различные априори классификационных сеток.

Как феноменолог Деррида проявляет интерес к проблеме генезиса смысла, как структуралист он пытается преодолеть ее, растворить, преобразовать, переписать. Для нас важно то, что он не пытается ее игнорировать. Многие в постструктуралистском проекте Деррида появилось в результате переосмысления феноменологических тем – идеальности, значения, временности. Тема генезиса одна из важнейших. Рассматривая феноменологический подход к проблеме конституирования и трансляции смысла (включающей в себя тему интерсубъективности), Деррида вводит термин «историчность» истории, который четко обозначил его дистанцированность от феноменологического понимания истории. Этим термином Деррида маркирует телеологичность «метафизического» концепта истории как «истории смысла, который зарождается, развивается, осуществляется» [Деррида, 1996б. С. 198]. Отметим попутно, что на основе такого подхода Деррида к понятиям «метафизики» и «феноменологии» как образцовой метафизики, при котором старые понятия не отбрасываются, а переписываются самым нетривиальным образом (деконструируются), и создавался постструктуралистский проект. Можно сказать, что структурализм – это отказ, а постструктурализм – приятие как переинтерпретация.

Что же представляет собой «историчность», по Деррида? Он анализирует гуссерлевский проект историчности, противостоящей как а-историзму платоновского толка, так и фактической, эмпирической истории. Это – парадоксальная историчность, «которой отмечены культура и традиция *истины*», поскольку они «внутренне не затронуты эмпирическим содержанием реальной истории» [Деррида, 1996а. С. 62]. Пре-

емственность, существующая в традиции, обосновывается тем, что сама традиция есть «чистое смысловое единство», а не «эмпирический набор конечных и случайных единств» [Деррида, 1996а. С. 62]. Это историчность «идеальных предметностей»

Деррида демонстрирует, как Гуссерль балансирует на грани уникального и сущностного, единичного и универсального, эмпирического и трансцендентального. Так, само учреждение геометрии есть факт, «обладающий нередуцируемостью определенного *hic et nunc*». А историчность идеальных объектов геометрии является «одним из их эйдетических компонентов» [Там же. С. 42–44]. Деррида считает, что такая «историчность» характеризует телеологическое измерение истории. Ведь всякое духовное достижение, по Гуссерлю, есть движение от «замысла к осуществлению».

Завершая разбор текстов Гуссерля во «Введении к “Началу геометрии”, Деррида пишет: «Если есть история, то историчность не может быть ничем иным, как переходом Слова, чистым традированием какого-то изначального Логоса в полярный Телос» [Там же. С. 198].

Согласно Деррида, у Гуссерля «ничто не может быть *вне* этой чистой историчности», вне этого перехода. Бытие возможно только как историчное, поскольку Бытие – это бытие смысла. А оно возможно, лишь осуществляясь в традиции, передаваясь.

Однако эту линейную (определяемую через Телос) «историчную» историю Деррида демонстративно превращает в нечто прямо ей противоположное – в историю, мыслимую на основе повторения, цикличности. «Поскольку Логос и Телос *суть ничто вне Wechselspie*, их взаимного вдохновения, то это и означает, что *Абсолют* есть Переход. Он есть традированность, циркулирующая от одного к другому, проясняющая одно другим в том движении, в котором сознание изобретает свой путь внутри бесконечной и *всегда уже* [toujours déjà] начатой редукции и в котором всякое приключение есть обращение и всякий возврат к началу есть дерзкий прорыв к горизонту» [Там же. С. 203]. Этот неожиданный вывод Деррида получает, строя свой анализ феноменологической истории на принципиально семиотическом видении ее. Он сам заявляет, что только анализ языка позволил уточнить, что «данная ситуация Логоса глубоко аналогична...

ситуации любой идеальности». Ибо если Логос понимать как слово, а феноменологию – как метод говорения, «в котором смысл обдумывается, чтобы в слове стать подотчетным», то феноменолог – это тот, кто с самого начала осознает опасность того, что «смысл может потеряться только в неаутентичности языка».

В работе «Структура, знак, игра...» Деррида продолжает мысль об «историчности» истории как телеологии. Деррида здесь впервые использует (не без влияния Хайдеггера) термин «присутствие» для характеристики такого способа мышления, в котором бытие понимается как наличность, данность. По мнению Деррида, история в «философии присутствия» понималась как «единство становления, как традиция передаваемой истины». В терминах присутствия он выражает ту же мысль по-постструктуралистски: «История всегда мыслилась как движение, историю итожащее, обходной путь между двумя присутствиями» [Деррида, 2000в. С. 366].

Отказ от «историчности» для структуралиста принципиален и означает позицию а-историзма. Деррида подчеркивает, что для К. Леви-Строса «описать собственные черты той или иной структурной организации» означает «не учитывать ее прошлых состояний». Переход от одного состояния к другому рассматривается Леви-Стросом как катастрофа, случайность, внезапность. Таким образом, заключает Деррида, для структуралиста «необходимыми становятся понятия случайности и прерывности». «Схватить сущностную специфику структуры» можно лишь через признание ее как отклонения в природе [Там же. С. 367].

Однако, по Деррида, можно «перехитрить», обойти эти трудности, не впадая ни в а-историзм, ни в «историчность», если открыто признать проблему противопоставления структуры и истории, признать это «напряжение», понять его и не уклоняться от него. Тогда выходом из затруднения станет возможность помыслить историческое движение через игру. Можно ли говорить, что Деррида вводит «игру» в качестве рабочего концепта? Возможности, которые содержатся в этом понятии, в методологическом плане довольно ограничены, ибо им можно обозначить в принципе практически все. Однако в данном случае концепт «игра» вводится как антитеза «присутствию».

«Игра – это раскол присутствия» [Деррида, 2000б. С. 464]. Более того, благодаря концепту «игры» Деррида находит формулу, которая явится квинтэссенцией постструктуралистской «онтологии»: «само бытие нужно помыслить... исходя из возможностей игры, а не наоборот». В дальнейшем «игру» заменят «след», «грамма», «письмо», «différance».

Деррида отмечает, что в текстах К. Леви-Строса неслучайно постоянное обращение к игре. Упоминания о всевозможных играх (рулетке, бильярде и т. п.) в качестве метафор или аналогий для прояснения своих идей (например, бриколажа) есть неявное стремление динамизации, попытки включения движения и изменчивости в структурную статику.

Деррида, таким образом, в этом раннем докладе (позже он будет включен в сборник «Письмо и различие») понятие игры использует как удобную метафору, как предварительную возможность наметки нового концептуального поля именно потому, что «игра» принадлежит к тем понятиям, в которых нельзя выделить крепкое смысловое ядро, так как оно ускользает от любых точных определений. Но в то же время оно поразительным образом в состоянии схватить само движение семиозиса: знак как одновременное замещение и отсылка, одновременно как присутствие и отсутствие. «Всякая игра – это игра отсутствия и присутствия» [Там же]. Поскольку знак всегда вписан в систему различий (по Соссюру), то это означает, согласно Деррида, что он вписан в *движение* определенной знаковой цепочки. В этом движении знаковой цепочки, как в движении замещений и отсылок состоит жизнь языка, в нем – суть любого процесса означивания. Таким образом, нередуцируемые различия, которые, по Деррида, и конституируют, собственно, семиозис, не поддаются никакому снятию в присутствии, а метафора игры наиболее уместна в своей наглядности. Такое переосмысление проблемы «историчности» привело Деррида к конструированию таких концептов, как *différance*, след, грамма, письмо, восполнение, отраженных в метафорике игры.

Собственно основные претензии к структурализму как методу и философии Деррида обозначил одновременно и как выход из структуралистского тупика. Структуралист-

ская «структура», по мнению Деррида, – самопротиворечивое понятие и отменяет то, что сама и устанавливает. Но ее самопротиворечивость можно использовать для ее же переосмысления. Вообще, по мысли Деррида, каждое самопротиворечивое и несамостоятельное понятие – это возможность прорыва той концепции, в которой оно складывалось.

Таким образом, проблемы, с неизбежностью возникающие в исследованиях любых культурных феноменов, проблемы, от решения которых структурализм пытался уклониться, были зафиксированы в новой, постструктуралистской парадигме. Фиксацией этих проблем – генезиса смысла, трансляции смыслов, историчности, а также неоднозначности самого структурного подхода было очерчено «проблемное поле» постструктурализма. Следует особо подчеркнуть, что при этом постструктурализм вычленил самопротиворечивость и неоднозначность в тех философских проектах, которые пытались дать свое решение данных проблем. В частности, это касается феноменологического проекта, который во многом способствовал «смещению структуралистского взгляда». Поэтому постструктурализм, критически переосмысливая как структуралистское видение объектов исследования, так и феноменологическое решение этих проблем, разрабатывал свой, оригинальный подход к данным проблемам и не менее оригинальный концептуальный аппарат.

Список литературы

- Барт Р.* Избранное: семиотика, поэтика. М.: Прогресс, 1994. 616 с.
- Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М.: УРСС, 2002. 448 с.
- Гуссерль Э.* Начало геометрии // Деррида Ж. Введение в «Начало геометрии» Э. Гуссерля. М.: Ad Marginem, 1996. 267 с.
- Делез Ж.* По каким критериям узнают структурализм? // Марсель Пруст и знаки. СПб.: Алетейя, 1999. 190 с.
- Деррида Ж.* Введение в «Начало геометрии» Э. Гуссерля. М.: Ad Marginem, 1996a. 267 с.
- Деррида Ж.* Позиции. Киев, 1996b. 232 с.
- Деррида Ж.* О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000a. 511 с.
- Деррида Ж.* Письмо и различие. М.: Академ. проект, 2000б. 495 с.

Деррида Ж. Письмо и различие. СПб.: Академ. проект, 2000в. 432 с.

Левин-Строс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1983. 536 с.

Фуко М. Слова и вещи. СПб.: А-сэд, 1994. 406 с.

Эко У. Отсутствующая структура. СПб.: Симпозиум, 2006. 544 с.

Gasche R. The Tain of the Mirror: on the Philosophy of Reflection. President and Fellows of Harvard College, 1994.

Lawlor L. Derrida and Husserl. The Basic Problem of Phenomenology. Indiana University Press, 2002.

Материал поступил в редколлегию 16.02.2009

М. О. Епова

PRECONDITIONS OF FORMATION OF PHILOSOPHY OF POSTSTRUCTURALISM

Transformation of structuralism to poststructuralism has occurred due to appearing of certain problems, which were to solve. Having not in avail proper conceptual apparatus structuralism has failed to do so. Also the very ambiguity of key structuralist concept «structure» allowed to reinterpret it in new context.

Keywords: structure, language, text, poststructuralism, structuralism.